

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ЧУВСТВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

На сегодняшний день большое внимание исследователей-лингвистов уделяется изучению мыслительной, физиологической, деятельностной, эмоциональной сферам человеческой активности. Обращение к языковой объективации чувственной сферы реже выступает объектом внимания отдельных исследований. В основном чувства изучаются либо как часть эмоциональной сферы, либо как отдельная составляющая сферы рациональной, мыслительной, что, по нашему мнению, представляется абсолютно справедливым в свете разрешения в современной науке дихотомии «эмоционально-чувственное» – «рациональное».

Действительно, чувственную сферу деятельности человека часто противопоставляют мышлению. Во многих психологических и лингвистических исследованиях утверждается дихотомия рационального (относящегося к мышлению) и эмоционально-чувственного (субъективного, имеющего отношение к эмоционально-чувственной сфере). В настоящей работе мы поддерживаем точку зрения ученых, полагающих, что между когнитивной, интеллектуальной деятельностью человека и его субъективным чувственным отражением мира есть определенная взаимосвязь. Данное положение находит подтверждение в изучении семантики лексем, объективирующих ментально-чувственные конструкты, то есть такие ментальные абстрактные сущности, которые представлены в значениях определенных языковых единиц и отражают информацию о пересечении чувства и мышления, первично – в сознании человека и вторично – на языковом уровне.

В последнее время ученых-лингвистов все чаще беспокоит ряд методологических вопросов: не становятся ли в связи с развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистические исследования исследованиями психологическими? Насколько важна экстралингвистическая информация в анализе семантики языковых единиц? Не уходим ли мы от объекта лингвистического анализа (языковых единиц) к объектам психологического (концептам) или философского (объективации, репрезентации) анализа?

Действительно, вслед за У. Крофтом и Д. Сандра, мы полагаем, что лингвисты не обладают компетенцией устанавливать, в какой форме в сознании носителя языка реально репрезентированы языковые факты, а, следовательно, их задачей является рассмотрение наиболее общих ментальных принципов, характеризующих природу языка [Croft 1998:151, Sandra 1998:361].

Однако, по мнению Н.А. Кобриной, расширение лингвистического объекта исследования неизбежно, так как за отклонениями от канонизированной системы «безусловно, стоит человек, со всеми атрибутами его деятельности и условиями существования, с его ментальной активностью и способностью субъективного видения, восприятия и оценки реального мира, с его способностью обобщать и концептуализировать факты, тем самым, создавая новый источник референтности, мыслительной референтности» [Кобрина 2000: 23].

Отсюда, интеллектуально-чувственные конструкты, рассматриваемые нами далее, интерпретируются не как собственно мыслительные конструкты, но как когнитивно-лингвистические единицы, имеющие объективацию в языке и изучающиеся именно в языке.

Толкований объективации в современной науке представлено достаточно много, однако до сих пор не существует ее однозначной лингвистической трактовки. Акцент на понимание сути данного процесса в лингвистике зависит от того, с какой смежной наукой граничит лингвистическое исследование. Так, объективацию с позиций психологии можно представить как «дискурсивную концептуализацию психического опыта в качестве особого рода объекта» [Трунов 2010: 71]. При таком подходе лингвистическая интерпретация данного процесса заключается в способности языка номинировать мыслительные структуры, то есть придавать форму реального объекта абстрактным конструктам нашего психического опыта.

Философская трактовка объективации заключается в понимании данного процесса как процесса опредмечивания, превращения в объект мыслительных сущностей [ФЭС 2004]. При данном подходе язык выступает неким преобразователем субъективных состояний в реальное восприятие объекта.

На наш взгляд, именно философский подход лежит в основе трактовки объективации С.И. Ожеговым: «Объективировать – воплотить (-щать) в чем-нибудь объективном, доступном восприятию» [<http://slovari.299.ru/word.php?id>].

Собственно лингвистического понимания объективации нет, да и на наш взгляд, не может быть, поскольку речь идет не о языке «в себе», а о языке, как инструменте познания собственных мыслей, эмоций, чувств. В настоящем исследовании, мы на основе обобщения данных, предоставленных разными науками, принимаем в качестве рабочего определения следующее: объективация есть процесс фиксации в языке абстрактных мыслительных конструктов, недоступных непосредственному наблюдению продуктов человеческой ментальной и чувственной сферы.

В отличие от концепта конструкт явление более специфичное. Оба феномена относятся к ментальным образованиям, актуализирующим знания о мыслительной деятельности человека. Тем не менее, мы не проводим аналогии между ними. С нашей точки зрения, между концептом и конструктом существует определенное и достаточно значимое различие: концепт может быть и структурной, и гештальной (целостной), и минимальной (неделимой) единицей репрезентации знаний в значении слова. Конструкт – всегда структурирован, с одной стороны, и является частью, компонентом структуры, с другой стороны, и, по сути, не может являться неделимой единицей. Более того, в основе формирования конструкта всегда лежит процесс концептуальной интеграции, взаимодействия сразу двух или нескольких концептов. По сути, конструкт представляет собой проекцию вступивших в процесс интеграции концептов, в нашем конкретном случае, концептов «Разум (мышление)» и «Чувство».

Сложность объективации чувств вообще и интеллектуальных чувств в частности заключается еще и в том, что чувство как психологический феномен отличается «двойным стандартом» в отношении к языку. С одной стороны, чувства имеют прямые номинации, следовательно, прямое отражение в языке, например, через значение лексем их номинирующих “*admiration*”, “*surprise*”, “*anthropopathy*”. С другой стороны, уже в значении самого слова “*feeling*” и его комбинацией с атрибутами, характеризующими интеллект (“*social feelings, religious feelings, aesthetic feeling*”, etc.), происходит объективация интеллектуально-чувственной картины мира. Более того, в отличие, например, от русского языка английский язык обладает достаточно широким синонимическим рядом номинации данного психологического феномена: “*feeling, sense, sentiment, emotion, pathos, sensation, sentience, faculty, sensitivity, empathy, sensibility, esthesia, sensitiveness, receptivity, susceptibility, modality etc.*”. Выбор того или иного синонима для употребления в необходимом ситуативном контексте зависит от акцента на сфере деятельности человека: ментальной (интеллектуальной) (“*feeling, sense, sentiment*”), эмоциональной (“*feeling emotion, pathos, empathy*”), физиологической (“*feeling, sense, sensation, modality*”), волевой (“*feeling, impulse, flair, intuition, undersense*”).

Принимая в качестве объекта настоящего исследования лексемы, объективирующие интеллектуальные чувства, мы, путем дефиниционного анализа слова “*feeling*”, ограничиваем ряд лексем, способных объективировать интеллектуально-чувственные конструкты. К данным лексемам относятся: “*feeling, sense, sentiment, faculty, emotion*”. В различных ситуативных контекстах данные лексемы способны выступать синонимами слова “*feeling*”, объективирующего конструкт «Чувство + Мышление».

Так, объективность существования конструкта «Чувство + Мышление» выявляется в ходе анализа словарных толкований лексемы “*feeling*”, предоставленных авторитетными толковыми словарями современного английского языка, где “*feeling*” трактуется как «идея либо знание, представление о чем-либо» [Oxford Dictionary]. Подтверждение существования данного значения лексемы “*feeling*” мы обнаруживаем в следующих ситуациях:

1) It was the feeling that I had survived, and that maybe, with help, I was going to continue to survive [BNC S34 1728].

В данном значении исследуемая лексема выступает в синонимичном ряду вместе с лексемами, обозначающими чувство как познание, мышление, разум, отношение: “sentiment, sense”:

2) She had the sense of being a political outsider [Oxford-American Dictionary].

3) Anti-Philistinism and anti-Arab sentiment may have a nasty way of feeding on each other [BNC K34 543].

Следующую объективацию конструкта «Чувство + Мышление» мы видим в толковании “feeling” как «мнения, точки зрения, способа мышления, осознания чего-либо» [Collins Cobuild] и в языковой реализации лексемы в данном значении:

4) “But if we are free citizens” – he paused on the word, feeling it alien but unable to think of another – “if we are not slaves, we must have liberty to say “No, we have no dispute with France” [BNC D12 691].

Главной содержательной характеристикой интеллектуально-чувственного конструкта является его осознанность. Осознание чувств происходит в процессе их социализации, а соответственно, в языке появляется целый пласт лексики, объективирующей социально-чувственные конструкты: “social feelings / emotions, religious feelings / emotions, national sentiments, patriotic feelings, gregarious feelings, community feeling, we-feeling, moral sentiments / senses / feelings”.

Под социально-чувственным конструктом в настоящей работе понимается отражение в сознании говорящего его чувств по отношению к тем или иным социальным группам, нормам, ценностям, морали, другими словами, такая единица мышления, которая охватывает весь комплекс знаний об эмоционально-чувственном состоянии человека через призму его социальных отношений. Языковые ситуации свидетельствуют о наличии широкого ряда лексем, отражающих различные виды социальных чувств в современном английском языке:

5) Социальные чувства:

He believed that we all have an ‘inborn social feeling’ and an ‘inescapable characteristic of empathy’ [BNC CEF 100].

6) Национальные чувства:

The mass rally now became a powerful expression of national feeling [BNC FAN 217].

7) Националистические чувства:

There were no danger of nationalist sentiment ousting the Bolsheviks from the city [BNC A64 842].

7) Религиозные чувства:

Tolkien, who found the contents of these talks, when published, not especially to his taste, nevertheless admired the simple religious feeling which inspired them [BNC A7C 1497].

8) Групповые чувства:

We have a good community feeling but the way the council do it is all wrong [BNC K47 792].

9) Эстетические чувства:

The very process of humanization can now be viewed as a product of aesthetic feeling as well as of mind [BNC FBA 71].

10) Моральные чувства:

This seems to be true in spite of the fact that Spinoza was very much of a generation which was concerned to dissociate itself from the Greek inheritance, and indeed he represents something of a fresh injection of Jewish moral feeling into the main Christian current of Western thought [BNC CS2 1071].

В отношении последних интересен тот факт, что еще в работах А. Смита утверждался тезис о том, что чувства (и именно, чувства как мышление “sentiments”, а не чувства как ощущения “sensations”) мотивируют мышление и управляют нашим поведением. В настоящее время в работах современных философов, психологов, лингвистов мы также находим подтверждение взаимосвязи чувства и рационального мышления, а также влияния чувственной сферы личности на познавательную сферу и формирование определенного социального поведения. Английский язык, как показывают, вышеприведенные примеры, подтверждает существование чувства как мышления. Более того, по словам известного британского

академика Д. Эванса «Именно моральные чувства руководят нашим нравственным поведением, позволяя нам принимать правильные решения и подчинять наше поведение в большей степени закону, чем бушующим в душе страстям» [Эванс 2008: 78-79].

В современном английском языке все вышеуказанные типы интеллектуальных чувств способны объективировать не только комбинации интеллектуального атрибута с одним из номинантов чувств ("feeling, sense, sentiment"), но и достаточно обширный комплекс самостоятельных лексем, отражающих конструкт «Чувство + Мышление».

Так, например данные психологических и лингвистических исследований в данной области позволяют выделять следующие интеллектуальные чувства: чувство новизны, чувство перемены, чувство Бога, удивление, уверенность, сомнение, изумление, обман и т.д. В английском языке многие из данных чувств объективируются одной лексемой:

11) 'After that, I decided without hesitation to present myself', he said [BNC CLA 268].

12) They also want to assess more fully the damage that the debacle might have done to long-term customer confidence in Ferranti [BNC A43 340].

13) Patriotism is usually stronger than class-hatred and always stronger than any kind of internationalism [BNC ACH 520].

13) Where we are to note, that these words are not ascribed to God by way of anthropopathy... [B. Keach].

Вышеприведенный список может быть продолжен объективаторами чувств из других сфер (эмоциональной, волитивной, физиологической). Так, например эмоция "hate (hatred)" также может выступать объективатором конструкта «Чувство + Мышление» в следующих ситуативных контекстах:

14) Their own family experience had spelled out the horrors of bigotry and racial hatred; to these general and now somewhat distant things came the chilling reality of Adolf Hitler's seizure of power in Germany [BNC AOP 328].

15) It was reported on April 13, however, that charges had been brought against Fadilj Hodza, a prominent former state and party official, for inciting racial intolerance and religious hatred in connection with the 1989 riots [Heesings Contemporary Archives].

Иногда происходит комбинация прямого номинанта эмоции с одним из слов, обозначающих чувства, в результате которой происходит объективация интеллектуально-чувственного конструкта:

16) The feeling of hate grew stronger every day [Cambridge].

Рассмотрение особенностей объективации интеллектуальных чувств в современном английском языке, на наш взгляд, открывает широкие перспективы в изучении языковой объективации мыслительных структур в целом и подтверждает один из постулатов когнитивной лингвистики о том, что лингвистическая наука должна не только исследовать общее соотношение мышления и языка, но и выявлять «закрепленные способы конкретной соотносимости, то есть изучать такие возможности языкового выражения, как корреляция, концептуализация, категоризация, а также их языковую репрезентацию во всех процессах, соответствующих росту и прогрессу человеческих знаний» [Кобрина 2009:19]. Выявленные механизмы объективации интеллектуально-чувственных конструктов как раз и представляют такой способ «конкретной соотносимости» ментальных, эмоционально-чувственных и языковых феноменов. Их дальнейшее изучение, по нашему мнению, позволит более детально описать корпус лингвистических средств, номинирующих чувства. Практическое применение видится в создании словарей определенного типа, позволяющих в наиболее оптимальной форме толковать значения сложных ментально-чувственных и эмоционально-чувственных конструктов через трактовку их языковых объективаторов.

Литература

1. Кобрина Н.А. Язык как когнитивно-креативная деятельность человека //Studia Linguistica–9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2000. – С. 23-29.

2. Кобрин Н.А. Когнитивная лингвистика // Язык и межкультурная коммуникация: материалы VI Межвузовской научно-практической конференции, 23-24 апреля 2009г. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. – С. 19-21.
3. Трунов Д.Г. Объективация психического опыта // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. – Вып. 3(3). – 2010. – С. 71-82.
4. Эванс Д. Эмоции. – М.: Астрель; АСТ, 2008. – 192с.
5. Croft W. Linguistic Evidence and Mental Representation // Cognitive Linguistics. – 9 (2). – 1998. – P. 151-173.
6. Sandra D. What Linguists Can and Can't Tell You About the Human Mind: A Reply to Croft // Cognitive Linguistics. – 9 (4). – 1998. – P. 361-378.
7. ФЭС – Философия: Энциклопедический Словарь / Под. ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики., 2004. – 1072с.

Н.Н. Семененко
г. Старый Оскол, Россия

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МЕТОД В МОДЕЛИРОВАНИИ ПАРЕМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Представляя собой универсальное для естественных языков явление, паремии, тем не менее, подчиняются когнитивно-прагматическим законам вербальной коммуникации, законам формирования, хранения и передачи знаний. Потому системная характеристика семантики паремий с учетом специфики когнитивной и прагматической функций разных народных афоризмов (пословиц, поговорок, загадок и примет) открывает перспективы в осмыслении базовых стереотипов этноязыкового сознания, предопределяющих собой способы вербального воплощения значимых для той или иной лингвокультуры когнитивно-дискурсивных констант и их взаимосвязей в семантических сетях народного менталитета.

Под паремиями нами понимаются афоризмы фольклорного происхождения, характеризующиеся устойчивостью, воспроизводимостью, прецедентностью формы и содержания, вариативностью в пределах сформировавшейся структурной константы, определенной жанровой «переходностью» и синкретизмом формы. Паремии по всем своим категориальным признакам являются текстами особого рода. Иными словами, они характеризуются основными признаками текста. Прежде всего, имеются в виду пословицы, приметы и загадки. Именно они обладают базовыми когнитивно-прагматическими функциями, предназначенными для выражения суждений с оценочно-прагматической интерпретацией стереотипной ситуации:

- применительно к умозаключительной объективации конкретного дискурсивного поля (пословицы и приметы): На молодой жениться – с молодцами не водиться, Конь война обнюхивает – убитым быть;
- в процессе косвенно-производной номинации связующих элементов дискурсивного поля (поговорки и загадки): Высохнуть в струнку, На море – корова, железны рога, доит понемногу молока (Водяная мельница).

Помимо указанных паремических жанров к сфере паремического пространства языка большинство этнолингвистов и паремиологов относят также протOVERBIUMы – афористические единицы фольклорного происхождения, реализующие, прежде всего, две функции:

- а) металингвистическую – скороговорки, чистоговорки и пустоговорки: Нашего пономаря не перепониморировать стать, По всем по трём коренной не тронь: а кроме коренной, нет ни одной;
- б) коммуникативно-речевую – побасенки, прибаутки, присловья: Шла баба из заморья, несла кузов здоровья, тому сему кусочек, тебе весь кузовочек, Калужанин поужинает, а туляк ляжет и так, Четыре дубинки берёзовые, пятый кнут, по заказу свит.

Это те малые фольклорно-афористические жанры, которые близки к паремиям по стилистике, форме и содержанию, иногда переходят в пословицы, но при этом лишены